Введение

Изучение преемственных связей в литературе — одно из фундаментальных направлений в литературоведении. Наследие писателей русского зарубежья требует осмысления его как части национальной культуры. Творчество Б. К. Зайцева и И. С. Шмелева привлекает пристальное внимание: исследователи обратились к проблематике и поэтике произведений этих писателей, к их религиозно-философским исканиям, их наследие изучается в контексте русской и мировой литературы.

В настоящей работе творчество названных писателей рассмотрено с точки зрения освоения ими древнерусской литературной традиции, с которой генетически связаны многие элементы поэтики одного и другого писателя. Обнаружение общих основ подчеркивает, с одной стороны, самобытность каждого из них, а с другой — демонстрирует непрерывность, живое функционирование древнерусской литературной традиции в творчестве писателей XX века.

Вопросы преемственности всегда волновали и самих творцов новых произведений. Неслучайно автор «Слова о полку Игореве» начинает свою песнь с размышления о творчестве Бояна. Исследователи же всегда будут стремиться к обнаружению источников, выяснению роли традиций в создании того или иного цельного и неповторимого произведения любого вида искусства.

О значении жизни прошлых поколений для современного человека А. Ф. Лосев пишет: «Прошедшее — не погибло. Оно стоит незабываемой вечностью и родиной. В глубине памяти веков кроются корни настоящего и питаются ими»¹. В своих работах он показывает, что именно традиция является основой непрерывного развития культуры. М. М. Бахтин также отмечает, что «литература — неотрывная часть целостности культуры, ее

3

 $^{^1}$ *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // А. Ф. Лосев. Из ранних произведений. М., 1990. С. 561.

нельзя изучать вне целостного контекста культуры», причем необходимо принимать во внимание «столбовые линии развития литературы, подготовлявшие того или иного писателя, то или иное произведение в веках (и у разных народов)» 2 .

Проблеме традиции в литературе посвящены многочисленные как коллективные, так и монографические труды (далее некоторые из них указаны). Как пишет современный исследователь, это объясняется тем, что XX столетие «одновременно явилось и заключительным этапом Нового времени, и переходной эпохой, и началом еще не оформившейся новой стадии в истории мировой культуры»³.

Слово традиция в переводе с латинского (trado, traditio) означает «передаю, передача» и, соответственно, предполагает воспринимающего. Традиция — категория многоуровневая, требующая изучения художественных и эстетических составляющих в их историческом развитии, обусловленном прежде всего спецификой мировоззрения как передающей, так и принимающей сторон. Особую значимость здесь приобретают вопросы актуализации традиции в культурной памяти эпохи: какие уровни традиции доминируют и в каких формах, чем обусловлены эти доминанты и формы.

Древнерусская литература предполагает в целом три формы ее функционирования во времени. Во-первых, жизнь произведений древнерусской литературы в новом времени (история открытия, хранения и публикации, изучение памятников). Во-вторых, продолжение традиции в сочинениях писателей — представителей церкви⁴ и писателей светских, но церковных по духу и образу жизни (А. Н. Муравьев⁵, Е. Н. Поселянин, С. А. Нилус и другие). В-третьих, творческое освоение древнерусского наследия писателями XVIII–XX веков.

² *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 344–345.

³ Стеценко Е. А. Концепция традиции в литературе XX века // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М., 2002. С. 48.

⁴ Отметим исследование В. В. Кашириной, в котором представлен обзор литературного наследия Оптиной Пустыни в жанровом освещении. См.: *Каширина В. В.* Литературное наследие Оптиной Пустыни. М., 2006.

⁵ В 2001 году вышла монография, в которой творчество писателя поставлено в контекст литературного процесса 20–30-х годов XIX в. См.: *Хохлова Н. А.* Андрей Николаевич Муравьев — литератор. СПб., 2001.

Вопросами публикации, изучения древнерусских памятников занимаются исследователи древнерусской литературы. Интерес к тому или иному памятнику приводит к созданию работ, в которых рассматривается не только его движение в хронологических пределах Древней Руси, но и его судьба в Новое время.

Один из первых сборников, посвященных проблеме преемственности, — «Древнерусская литература и ее связи с Новым временем», где внимание исследователей сосредоточено в основном на вопросах бытования тех или иных произведений древнерусской литературы в Новое время. Л. Н. Пушкарев, проследив судьбу повести о Еруслане Лазаревиче, пришел к выводу, что она стала «фактом печатной литературы, литературной сказкой в стиле сказочной литературной традиции конца XVIII в.»6.

Несколько ближе к интересующему нас аспекту преемственных связей стоит монография Ф. Я. Приймы «"Слово о полку Игореве" в историко-литературном процессе первой трети XIX в.» Автор соединил здесь исследование вопросов подлинности «Слова» с восприятием памятника поэтами и писателями первой трети XIX века.

Обширный пласт словесного творчества представителей церкви XVIII–XX веков литературоведы только начинают осваивать. Значительный шаг в исследовании этого наследия сделан П. Е. Бухаркиным в монографии «Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках. Проблемы культурного диалога». Автор рассматривает ряд теоретических вопросов и дает конкретный анализ, обратившись к творчеству святителя Тихона Задонского⁸.

Третья форма функционирования древнерусской литературы — творческое освоение ее писателями Нового времени — привлекает внимание исследователей давно, но наиболее интен-

⁶ *Пушкарев Л. Н.* Литературные обработки повести о Еруслане Лазаревиче в XVIII веке // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 235.

 $^{^7}$ Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980.

⁸ *Бухаркин П. Е.* Православная церковь и русская литература в XVIII– XIX веках. Проблемы культурного диалога. Спб., 1996.

сивное изучение проблемы традиции началось с 70-х годов XX века. Традиция может проявляться на разных уровнях. Первый уровень — это использование тем, мотивов, сюжетов, образов древнерусской литературы писателями Нового времени. Другой уровень — собственно творческий подход к наследию, когда писатель органично интерпретирует традицию (при сохранении своей индивидуальности) либо отталкивается от нее, переосмысливая образы, даже создавая пародии.

В истории русской литературы, наверное, нет ни одного писателя или поэта, который в той или иной мере, на том или ином уровне не прикоснулся бы к древнерусскому наследию. Изучение особенностей восприятия древней литературы Новым временем стало предметом научного интереса многих исследователей. В процессе реализации этих интересов сложились два вполне характерные подхода к проблеме. Их можно определить как источниковедческий и генетический. Они могут использоваться одновременно, когда речь идет о переложениях древнерусских произведений писателями Нового времени, и исследователь не только указывает источник переложения, но анализирует особенности поэтики, определяя степень адекватности нового произведения источнику.

Источниковедческим называем такой подход к проблеме преемственности, когда исследователь устанавливает конкретный памятник (даже редакцию, список) древнерусской литературы или сюжет, образы этой литературы, положенные в основу произведения нового времени. В этом направлении работали А. Н. Робинсон, Г. Н. Моисеева, О. А. Державина, В. Д. Кузьмина, Д. С. Лихачев и другие исследователи. При таком подходе творчество писателей, не создававших произведения на исторические темы и не обращавшихся к каким-либо конкретным памятникам древнерусской литературы, оставалось бы вне рассмотрения.

Генетический подход позволяет обнаруживать глубинные уровни древнерусской литературной традиции, проступающей в особенностях содержания, в жанровом своеобразии и в специфике поэтики произведений писателей Нового времени. Древнерусская литературная традиция может иметь место в произведениях литературы Нового времени, которые не связаны

с каким-либо конкретным древнерусским памятником. Исследование этого уровня жизни традиции древнерусской литературы идет параллельно отмеченному подходу, порой сочетается с ним. Генетический подход присущ работам Н. И. Прокофьева, В. В. Кускова, В. Е. Ветловской, Е. В. Николаевой, А. М. Грачевой и другим исследователям.

Кратко остановимся на некоторых работах, в которых использованы обозначенные подходы изучения преемственных связей. Самые общие суждения по проблеме преемственности в литературе находим в работах В. Д. Кузьминой и Д. С. Лихачева. Они обобщили известный к началу 1970-х годов материал, наметили возможные объекты и перспективы исследований. Д. С. Лихачев в предисловии к специальному тому Трудов отдела древнерусской литературы, посвященных преемственным связям литературы Нового времени с древнерусской литературой, писал: «Подлинное отношение новой русской культуры к Древней Руси лежит в продолжении тем, сюжетов, мотивов Древней Руси, в освоении ее художественных достижений, в художественном проникновении в древнерусскую жизнь, историю, культуру»⁹. И далее он ориентировал литературоведов на «пристальное исследование того, как памятники культуры древней Руси конкретно отражались в новой русской культуре»10.

Внимание обращалось прежде всего на жизнь тех или иных исторических сюжетов и образов древнерусской литературы в литературе нового времени. В. Д. Кузьмина отмечала, что сюжеты древнерусской агиографии легли в основу циклов произведений А. И. Герцена, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого. Она выделила две группы советских писателей: «работающих в области исторического жанра» — В. Г. Ян, И. А. Новиков, В. Д. Иванов — и тех, «кто интересуется в первую очередь проблемой положительного героя и потому обращается к агиографии» (имеется в виду беллетристическая переработка житий княги-

⁹ Лихачев Д. С. Русская культура нового времени и Древняя Русь. // Труды отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Т. XXVI. Л., 1971. С. 7.
¹⁰ Там же.

ни Ольги и Феодосия Печерского В. Пановой и трилогия А.П. Ладинского)¹¹.

В целом такой подход — это подход источниковедческий. Как видно, речь идет именно о темах, сюжетах, образах древнерусской литературы, которые вызвали интерес писателей Нового времени.

В этом направлении много лет работала О. А. Державина, известная исследовательница древнерусской литературы. Результаты ее поисков были собраны в книге «Древняя Русь в русской литературе XIX века (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века)». Здесь «на большом историко-литературном материале» проведен «общий анализ связей русской литературы XVIII–XIX вв. с древнерусской литературой» Автор дает «представление об изменении взглядов и пристрастий русских писателей XIX века к тем или иным темам и произведениям древнерусской литературы» 13.

Источниковедческий подход характеризует и работы Г. Н. Моисеевой, посвятившей свои исследования преемственным связям культуры XVIII века с древнерусской литературой. Она внимательнейшим образом изучила «тематическую общность произведений Древней Руси и XVIII в.», определила «круг памятников древнерусской литературы, известных в XVIII в. и активно использованных драматургами, поэтами и авторами исторических сочинений» Как и в работе О. А. Державиной, здесь в основе — источниковедческий анализ, проведенный самым тщательным образом.

При всей необходимости и значимости такого подхода он не исчерпывает проблемы преемственных связей. Весьма плодотворным в исследованиях традиций древнерусской литературы в литературе Нового времени является именно генетический

¹¹ *Кузьмина В. Д.* Задачи изучения связей древнерусской литературы с литературой Нового времени // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л.. 1970. С. 98.

 $^{^{12}}$ Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX века (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века. М., 1990. С. 3.

¹³ Там же. С. 10.

¹⁴ *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли в России XVIII в. Л., 1980. С. 5.

подход, когда исследователь выясняет причины и характер актуализации древнерусской литературной традиции в творчестве того или иного писателя Нового времени. На этом пути сделано немало¹⁵, написаны статьи, монографические работы. Остановимся подробнее на некоторых исследованиях, использующих этот подход.

Одно из ранних исследований, в котором генетический подход наметился, — это статья Е. А. Касаткиной. Анализируя торжественные оды XVIII века, она увидела в поэтике этого жанра элементы древнерусской воинской повести. В частности, исследовательница обратила внимание на творческое переосмысление Г. Р. Державиным одного из топосов жанра древнерусской воинской повести — мотива помощи высших сил русским воинам¹⁶.

В. В. Кусков в статьях, посвященных проблемам древнерусской литературной традиции, рассматривал поэзию романтиков, символистов, произведения Л. Н. Толстого. В статье о Куликовской битве он показал особенности преломления важнейшего события русской истории в памятниках древнерусской литературы, в трагедиях М. В. Ломоносова и В. А. Озерова, в думе К. Ф. Рылеева и лирическом цикле А. А. Блока. Исследователь пришел к заключению: «Трагедии М. В. Ломоносова и В. А. Озерова имеют для нас чисто историко-литературное значение, как интересные факты отражения исторического события русским классицизмом и сентиментализмом. Взволнованные лирические стихи Александра Блока явились

¹⁵ Укажем некоторые работы: *Кусков В. В.* Л. Н. Толстой и древнерусская агиография // Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах. М., 1972; *Он же.* А. С. Пушкин и древнерусская литература // *Он же.* Эстетика идеальной жизни. М., 2000. С. 307–317; *Прокофьев Н. И.* Есенин и древнерусская литература // Сергей Есенин. Проблемы творчества. М., 1978. С. 119–134; *Ветловская В. Е.* Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977; *Николаева Е. В.* Лев Толстой и древнерусская литература (Проблема творческого освоения древнерусского литературного наследия): дис. ... канд. филол. наук. М., 1980; *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000; *Мелентьева И. Е.* Образы и темы литературы Древней Руси в творчестве Н. С. Лескова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004; и др.

¹⁶ Касаткина Е. А. Торжественная ода XVIII века и древнерусская устно-поэтическая и литературная традиция // Уч. записки Томского гос. пед. ин-та. Томск. 1946. Т. 3. С. 121.

достойным литературным памятником битве на Непрядве, на поле Куликовом, показав в высокохудожественной форме непреходящее ее значение»¹⁷. Исследователь подчеркнул «глубокий философский, нравственный смысл лирического цикла А. Блока»¹⁸, указав тем самым на внутреннюю связь, глубокое проникновение поэта в отдаленную историческую эпоху.

Статья Н. И. Прокофьева «Древнерусские хождения и литература путешествий Нового времени» посвящена судьбе жанра хождения в литературе Нового времени. Автор отмечает изменение объекта изображения в путевых заметках петровского времени, обусловленное «особенностями самой личности повествователя» 19. Наблюдения исследователя позволяют сделать заключение о том, что «в последней трети XVIII в. жанр заметок о путешествиях резко меняет свои качественные признаки. Появляется ранее неизвестная литературная форма выражения путевых впечатлений — литературные письма, в которых как бы сливаются послания с очерками о путешествиях (Письма из Западной Европы Д. И. Фонвизина, "Письма русского путешественника" Н. М. Карамзина) и возникает литературная форма условных "путешествий", которая теряет очерковые качества, поскольку в ее основу кладется вымышленное путешествие»²⁰. При этом автор выделяет ряд элементов, сближающих путешествия Нового времени с древнерусскими хождениями.

В. Е. Ветловская в статьях и в монографии исследовала агиографические компоненты в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Она выделила типологические черты, сближающие повествователя в романе с агиографическим повествователем: «Житийная ориентация повествователя Достоевского определенно сказывается во вступлении к "Братьям Карамазовым" ("От автора"), где повествователь в тоне интимной беседы с читателем объясняет ему причину, побудившую его взяться

 $^{^{17}}$ Кусков В. В. Куликовская битва в русской литературе XV — начала XX в.// На Непрядве: К 600-летию исторической битвы на поле Куликовом. М., 1980. С. 23.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Прокофьев Н. И. Древнерусские хожения и литература путешествий нового времени (К вопросу о преемственной связи жанров) // Актуальные проблемы литературы. Ростов на/Д, 1971. С. 166–167.

²⁰ Там же. С. 168.

за роман, и назидательную цель своего романа»²¹. Отмечена и характерная «свобода» повествователя в пределах создаваемого повествовательного пространства, когда он, не мудрствуя, переходит «от одной темы к другой или от отступления к основному содержанию и наоборот»²². Исследовательница определила типологические черты агиографического героя, сближающие, в частности, Алешу с рядом житийных персонажей, а не с конкретным героем жития, хотя связь с Алексеем человеком Божиим, конечно, доминирует.

Е. В. Николаева основательно разработала проблему древнерусской традиции в творчестве Л. Н. Толстого. В диссертационном исследовании «анализируются традиции древнерусской литературы в поэтике романа-эпопеи "Война и мир"», определяются «жанрообразующие факторы, повлиявшие на становление жанра народного рассказа в творчестве Л. Н. Толстого и ведущие свое начало также от традиций средневековой литературы»²³. В монографии, посвященной последнему периоду творчества Л. Н. Толстого, исследовательница также устанавливает генетические связи поэтики писателя с древнерусской литературной традицией, в частности, в повестях рассматриваемого периода²⁴.

В монографии Т. А. Касаткиной, посвященной творчеству Ф. М. Достоевского, главным принципом анализа художественного произведения стало «последовательное внимание к онтологии слова». Исследовательница приходит к заключению: «Достоевскому было свойственно и естественно "средневековое" видение жизни, которое и определяет существо его реализма, — в глубине житейской сцены, самой сиюминутной и "актуальной", прозревать ее евангельский первообраз» (курсив наш. — $H. \Pi.$)²⁵.

²¹ Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». С. 17.

23 Николаева Е. В. Лев Толстой и древнерусская литература. С. 1-2.

²² Там же. С. 18.

 $^{^{24}}$ Николаева Е. В. Художественный мир Л. Н. Толстого: 1880–1900-е годы. М., 2000. С. 212–268.

²⁵ Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2004.

Перспективы генетического исследования древнерусской литературной традиции в литературе Нового времени, как представляется, неисчерпаемы. Эти перспективы обусловлены не только обширностью еще не изученного материала, но и тем подходом к памятникам древнерусской литературы, который стал возможен в последние два десятилетия. Имеем в виду основную специфику древнерусской литературы как литературы средневекового типа, литературы, создававшейся в Церкви, выражавшей религиозное мировоззрение как ее создателей, так и читателей.

Разумеется, исследователи древнерусской литературы указывали на эту специфику. Однако в конкретном анализе останавливались перед чертой, за которой возникала необходимость касаться сущностного содержания формальных средств художественного отражения действительности в памятниках литературы. Проблема эта остается весьма актуальной и в настоящее время.

Медиевистов опередили исследователи литературы Нового времени, активно взявшиеся за изучение религиозного компонента в литературе золотого и серебряного веков. Выпущено несколько солидных сборников²⁶, полностью посвященных указанной теме; появились монографии²⁷, рассматривающие в том же аспекте творчество отдельных писателей. Есть и попытки создания «новой теоретической концепции (курсив наш. — Н. П.), глубинно связанной с доминантным для отечественной культуры типом христианской духовности»²⁸, — в работе И. А. Есаулова, а также «философского осознания путей веры и творчества в искусстве»²⁹, — в работе А. Л. Кази-

²⁶ Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994, 1996, 1998; Христианство и русская литература. СПб., 1994, 1996, 1999, 2002; Русская литература XIX века и христианство. М., 1997; Русская литература и религия. Новосибирск, 1997.

 $^{^{27}}$ Зобнин Ю. В. Н. Гумилев — поэт Православия. СПб., 2000; Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003.

 $^{^{28}}$ *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 3.

 $^{^{29}}$ Казин А. Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции. СПб., 2000. С. 5.

на. В шеститомном труде М. М. Дунаева 30 отечественная литература нового времени (XVIII–XX вв.) рассмотрена с позиций православия. Только перечисление исследований по вопросу займет далеко не одну страницу 31 .

Исследования последних лет порой подменяют проблемы литературоведческие проблемами культурологическими и религиоведческими, хотя понятно, что есть аспекты изучения, требующие соединения различных подходов. Не останавливаясь на дискуссионных вопросах, связанных с правомерностью того или иного подхода к произведениям художественной литературы, выделим особо статью П. Е. Бухаркина, посвященную методологическим вопросам изучения религиозного компонента в литературе.

Исследователь считает необходимым четко различать «две проблемы: "литература — Церковь" и "литература — христианство"»³² и, хотя первая из них является частью второй, решение проблемы «литература — христианство» вовсе не означает решение другой — «литература — Церковь». «Взаимоотношение светской словесности с Церковью и церковной культурой требует совсем особого, отдельного изучения, своих методов и подходов» (44).

В проблеме «литература — Церковь» происходит «перекличка двух активных систем организации духовного опыта человека» (46). При этом «литература ищет в Церкви не только духовное содержание, но и родственную ей эстетическую сторону и, учитывая или же игнорируя (бывает и так) религиозноэтические аспекты церковной жизни, стремится вступить в диалог с ее культурой» (46). Отсюда в решении проблемы «литература — Церковь» приоритетное «значение приобретает анализ поэтики художественного произведения». Ибо «совпадение формальных способов выражения христианского миросо-

³⁰ Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. М., 1996–2000.

³¹ Обзорные работы: *Дмитриев А. П.* Тема «Православие и русская литература» в публикациях последних лет // Русская литература. 1995. № 1. С. 255–269; *Пантин В.*, диакон. Светская литература с позиций духовной критики (современные проблемы) // Христианство и русская литература. СПб., 1999. С. 34–58.

³² Бухаркин П. Е. Православная церковь и светская литература в Новое время: основные аспекты проблемы // Христианство и русская литература. СПб; 1996. С. 43. Далее страницы указаны в тексте (в скобках).

зерцания в светской литературе и церковной словесности позволяет в конечном итоге утверждать наличие связи между ними: если в двух разных системах обнаруживается формальное сходство, то это дает основание видеть их определенную близость. <...> Плодотворность диалога светской литературы и Церкви будет доказана только в том случае, если обнаружатся переклички их художественных языков» (54).

Остановимся подробнее на исследованиях, в которых рассматриваются вопросы преемственности литературы XX века по отношению к древнерусской литературе. Л. А. Сугай в освоении памятников прошлого поэтами-символистами отмечает два творческих пути: «свободное творчество — создание средствами новой поэтики и языка символов произведений на древнерусскую тематику. <...> И второй, более долгий путь освоения культурного наследия Древней Руси символистами — через стадию ученичества, работу по канону, заданному образцу, через более глубокое погружение в художественный мир русского Средневековья. <...> Это не только другой уровень освоения древнерусского материала, но и овладение самими законами творчества древнерусского художника» (курсив наш. — Н. П.).

Принимая данные суждения, уточним, что «овладение законами творчества древнерусского художника» (курсив наш. — Н. П.) невозможно без «погружения» в его миросозерцание, то есть без переживания религиозного опыта. В противном случае останется только техника, то есть стилизация, которой весьма часто и завершались творческие поиски национальных основ в искусстве.

Проблема древнерусской литературной традиции в литературе XX века привлекает все большее внимание исследователей, хотя отдельные работы появлялись и раньше³⁴. Причем здесь видим те же подходы, которые уже отмечены.

³³ *Сугай Л. А.* Наследие древнерусской культуры и творчество символистов // Культурное наследие Древней Руси. М., 2001. С. 147–148.

³⁴ См.: Панченко А. М., Смирнов И. П. Метафорические архетипы в поэзии начала ХХ в. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. ХХVІ. С. 33–49. Далее: Панченко А. М., Смирнов И. П. Метафорические архетипы...; Прокофьев Н. И. Есенин и древнерусская литература // Сергей Есенин. Проблемы творчества. М., 1978. С. 119–134; Коновалова О. В. «Написание о царях московских» И. М. Катырева-Ростовского в переложении М. А. Волошина // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. ХХХІІІ.

А. И. Мазунин, анализируя «стихотворные переложения "Жития" Аввакума», сделанные Д. Мережковским, М. Волошиным, А. Несмеловым, в первую очередь обращает внимание на соотношение источника и нового произведения. Например, о переложении Несмелова «Протопопица» (1939) он пишет: «Несмелов не только излагает известные по "Житию" факты отношения Аввакума к жене, но старается воссоздать образ Анастасии Марковны, "ясноглазой" супруги протопопа со всеми ее переживаниями. Он стремится передать трагедию женщины» 35. Эпизод первоисточника развивается в поэме на основе сопереживания и свободного творческого воображения поэта, что и устанавливает исследователь.

Особенности работы с источником анализируются в статье А. Н. Робинсона «Неизданная поэма М. А. Волошина о Епифании». При этом упоминается и поэма об Аввакуме: «Обе названные поэмы М. А. Волошина очень близко следуют своим литературным источникам ("житиям" Аввакума и Епифания), во многом являясь скорее поэтическим переложением древних оригиналов, чем поэмами в собственном смысле»³⁶. Автор обращает внимание и на то, что поэта «привлекали не только литературные достоинства автобиографий Аввакума и Епифания, но и личность самих писателей, героизм их духа, готовность к страданиям и смерти за свои убеждения»³⁷. Отметим, что исследователь обобщил и уточнил свои наблюдения в статье, посвященной жанровой специфике Жития Аввакума, написанной позже. Не привлекая уже конкретный материал Нового времени, автор, рассмотрев соотношение проповеднического и исповедального начал у Аввакума, увидел, что в литературе Нового времени значение этих начал «резко изменилось»:

С. 380–384; *Полякова С. В.* «Комедия на Рождество Христово» Дмитрия Ростовского — источник «Пастухов» Н. А. Заболоцкого // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. XXXIII. С. 385–387; *Грачева А. М.* Повесть А. М. Ремизова «Савва Грудцын» и ее древнерусский источник // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. XXXIII. С. 388–400; *Романичева Е. С.* «Слово о полку Игореве» в ранней лирике И. А. Бунина // Литература Древней Руси. М., 1983. С. 133.

³⁵ *Мазунин А. И.* Три стихотворных переложения «жития» Аввакума //ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 411.

³⁶ *Робинсон А. Н.* Неизданная поэма М. А. Волошина о Епифании // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. XVII. С. 512.

³⁷ Там же.

«Раньше "проповеднические" тенденции "Жития", опиравшиеся на книжную традицию и привычный читательский опыт, представлялись мерилом "литературности" произведения. Теперь же таким мерилом начали казаться необычные для древности, но ставшие особенно привлекательными, литературно-"исповедальные" устремления автора»³⁸.

В статье А. М. Панченко и И. П. Смирнова внимание сосредоточено на вопросах поэтики, они используют генетический подход в анализе метафор в поэзии Маяковского и Хлебникова. Сопоставляя метафорические образы, используемые поэтами, со средневековой литературной традицией, авторы находят «простейшие образные ядра, обнаруживающие глубокое, но не всегда очевидное, внутреннее сходство»³⁹. Они приходят к выводу: «У Маяковского и Хлебникова больше аналогий с фольклорным набором ядерных образов. Из книжно-христианских метафор у них представлены те, которые составляют общее достояние языческого фольклора и христианства. Очень любопытно, что в этом последнем случае они выступают в творчестве Маяковского и Хлебникова в православном варианте, причем явно прослеживается связь их поэзии с обрядом (причастие, крестный ход, крещение)»⁴⁰. На замечание Б. Пастернака, что элементы «церковных распевов и чтений» Маяковский использовал для пародии, авторы возражают: «Маяковский далеко не всегда пародиен, далеко не всегда заимствования из литургии он компрометирует пародией»⁴¹.

Н. И. Прокофьев рассматривает в аспекте традиций творчество С. Есенина и отмечает, что «у С. Есенина нет ни одного произведения, которое строилось бы на основе древнерусских литературных источников»⁴². Тем не менее древнерусская литературная традиция обнаруживается в его поэзии на разных уровнях: «В одних случаях ее мотивы выступают в качестве реминисценции, в других — служат сюжетным и идейнотематическим мотивом, в третьих — развернутой метафорой и

³⁸ *Робинсон А. Н.* Исповедь — проповедь (о художественности «Жития» Аввакума) // Историко-филологические исследования. М., 1971. С. 368.

³⁹ *Панченко А. М., Смирнов И. П.* Метафорические архетипы... С. 36.

⁴⁰ Там же. С. 48-49.

⁴¹ Там же. С. 49.

⁴² Прокофьев Н. И. Есенин и древнерусская литература // Сергей Есенин. Проблемы творчества. М., 1978. С. 125.

символом, в четвертых — входят в стихи как фразеологические обороты, придающие своеобразный колорит и звучание произведениям» 43 . Кроме того, автор останавливает внимание и на фактах неприятия поэтом «некоторых явлений древнерусской литературы»: «летописи пугали его своей омертвелой книжностью. Как на отжившие явления смотрел С. Есенин на житийную литературу. <...> Он выступал с осуждением всего радонежского» 44 (курсив наш. — $H. \Pi$.).

Н. С. Демкова дает интересный анализ творческого подхода писателя к древнерусским источникам в статье о романе «Доктор Живаго». В частности, она отмечает, что «стилистически преображенный плач Глеба существует в романе Пастернака в системе других мотивов, генетически и текстуально связанных с материалом древнерусских летописей». И далее автор показывает, что «летописные тексты... участвуют в сложных смысловых построениях: "тирания предания", вопервых, отражает и генерирует мысли и чувства главного героя, во-вторых, содержит оценку настоящего времени и ситуации, в которой приходится действовать герою» 45. Конкретные наблюдения, устанавливающие генетическую связь важных компонентов романа с Евангелием и древнерусскими произведениями, позволили Н. С. Демковой сделать вывод: «Глубокие погружения Пастернака в идеи и темы Евангелия, в христианские молитвословия и псалмы — во все то, что составило основу эстетики и поэтики средневековой русской литературы — привели его к очень близким в средневековой эстетике взглядам на искусство, к принятию ряда основ поэтики средневекового повествования»⁴⁶.

В названной выше работе Л. А. Сугай анализируются особенности освоения древнерусской культуры символистами. Исследовательница подчеркивает разность подходов к древнерусскому наследию романтиков XIX века и символистов, для которых «образы, мотивы, темы древности не являются арсеналом художественных средств, произвольно используемых

⁴³ Там же. С. 125.

⁴⁴ Там же. С. 132.

⁴⁵ Демкова Н. С. Из истории литературного комментария к роману Б. Пастернака «Доктор Живаго»: Древнерусские темы и параллели // Ars philologiae. СПб., 1997. С. 334, 338.

⁴⁶ Там же. С. 340.

для раскрытия современных задач. При всей свободе трактовки, символистские интерпретации исторически и филологически грамотны и корректны, основаны на глубоком научном изучении источников. <...> Поэты и художники-символисты подходят к древнерусскому материалу изначально как исследователи, стоящие на высоте современной им науки»⁴⁷.

Автор называет поэтов, обращавшихся в своем творчестве к «Слову о полку Игореве», указывает произведения, в которых отразились те или иные события древнерусской истории. Даны краткие, но очень точные замечания о переложении «Слова о полку Игореве» К. Бальмонтом, намечены пути более глубокого исследования. Исследователь останавливается на переложениях «Жития» Аввакума Д. Мережковским и М. Волошиным и показывает, что духу древнерусского памятника в большей мере соответствует работа Волошина. Отмечена эволюция поэта в освоении древнерусского наследия: «в сонете "Гроза"... "Слово о полку Игореве", являясь и предметом вдохновения поэта, и источником его художественных образов, не стал собственно темой творчества, связь с новым создаваемым произведением во "внешних знаках". <...> Иное дело в поэме об Аввакуме, где лирик Волошин максимально "стушевался". <...> ...и только вчитываясь в волошинский текст, прослеживая ритмическую модернизацию и разгадывая композиционные приемы, постигаем новизну поэмы, ее актуальное и одновременно вневременное символическое звучание» 48 (курсив наш. — Н. П.).

Завершая свое очень емкое исследование, Л. А. Сугай пишет: «Стремление символистов найти в литературе Древней Руси, в иконописных образах и духовных традициях в целом ответы на трудные вопросы современности и прочитать в них пророчества о грядущем — одно из свидетельств непрерывающейся связи культурных эпох и еще один ключ к раскрытию сущности мировосприятия и художественного кода русского символизма»⁴⁹.

Монография А. М. Грачевой — это обстоятельное исследование творческих связей А. М. Ремизова с древнерусской культурой и литературой. Автор показала, что древнерусская

 $^{^{47}}$ Сугай Л. А. Указ. соч. С. 143. 48 Сугай Л. А. Указ. соч. С. 157.

⁴⁹ Там же. С. 160.

Конец ознакомительного фрагмента. Приобрести книгу можно в интернет-магазине «Электронный универс» e-Univers.ru